12+

К.

Лютеранское кладбище

к
Лютеранское кладбище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62785086
SelfPub; 2020

Аннотация

Лютеранское кладбище, которое раскинулось под окнами моего дома, начинает свою историю с середины восемнадцатого века. Знаете, когда живешь по соседству с огромным кладбищем, твоя жизнь невольно переплетается с ним.

Лютеранское кладбище, которое раскинулось под окнами моего дома, начинает свою историю с середины восемнадцатого века. Знаете, когда живешь по соседству с огромным кладбищем, твоя жизнь невольно переплетается с ним.

Когда ты ребенок, то само твое существо невольно тянет за эту невысокую оградку, в которой к тому же есть множество лазеек. Сначала ты его не замечаешь, для четырех-пятилетнего ребенка не существует понятия смерти. Потом ты, жадно слушавший сказки, открываешь для себя два новых слова: смерть и кладбище. Родителям приходится отвечать на неудобные вопросы, и ты получаешь очень расплывчатые и оборванные сведения. Вот он, взрослый мир, взрослые темы. Ты хочешь туда, но действуешь аккуратно. На несколько недель тебя отвозят в гости к бабушке, которая живет в пригороде, в небольшом, но очень уютном домике. Дом похож на квартиру, но имеет и свои уникальные черты. Ни у кого в городе нет домашней коровы, а у бабушки есть. В городе максимум кошка или собака, а здесь сразу три кошки и один щенок. Бабушка говорит, что дедушка тренирует щенка для охоты. Почему-то всё, что касается дедушки кажется неинтересным, он воспринимается лишь как приложение к бабушке. Ты играешь с щенком, но тебе быстро надоедает.

Он злой и кусается. Тебе пять, ты стоишь, задрав голову, и разглядываешь картинки в углу комнаты. Красивые, блестят и отражают свет от подвешенной свечи. Бабушка замечает твой интерес. За ужином, когда вы будете вместе с ней пить чай с пряниками, она принесет тебе какую-то толстую книгу. Ты узнаешь, что картинки называются иконы, свеча – лампадкой, книга – библией и что Бог любит тебя, а ты должен любить Бога. Бабушка терпеливо отвечает на все твои вопросы, кажется, будто она всю жизнь ждала этого разговора. До самого твоего отъезда она будет посвящать тебя в различные библейские сюжеты и таинства. А в последний день она возьмет тебя с собой в крошечную церковь, где ты коснешься губами одной из икон и впервые испытаешь трепещущее чувство. Ты еще ни раз испытаешь его, но так никогда и не поймешь до конца, что это. А бабушка… бабушка знала ответ, но спросить сразу ты постеснялся, а потом было поздно.

Всю дорогу до дома ты будешь щебетать родителям о Боге, библии и бабушке. Ты и не заметишь, как родители покачают головой и тяжело вздохнут. Они знали, что когда-то это случится. С бабушкой они давно условились, что та ничего навязывать внукам не будет, но тут было не подкопаться, ты сам проявил интерес. Уже около дома, когда отец будет загонять машину в гараж, ты обернешься и увидишь привычную оградку. Яркой вспышкой в голове пронесутся погосты из сказок, распятие и воскрешение Христа. Картинка соединя-

ется в цельное полотно, тебе все кажется простым и понятным. Бог любит тебя, ты любишь Бога, а значит в смерти нет ничего страшного. За смертью идет воскресение.

Тебе семь. Бабушка не воскресла. На уроке математики преподавательница неожиданно сказала, что сейчас родители тебя заберут. Ты радуешься, закидываешь вещи в рюкзак, вылетаешь из дверей школы, запрыгиваешь в машину, хочешь обрадовать родителей пятеркой по математике, но на отце нет лица, а мать бела, как бумага в твоей новой тетради. Ты верно улавливаешь общее настроение. Всю дорогу вы едете молча. Уже у подъезда к дому бабушки, мать обернется через сидения и скажет, глядя тебе в глаза, что бабушка умерла. Все в тебе замрет на мгновение, ты не знаешь, как реагировать. Ты еще никогда не встречался со смертью лицом к лицу.

Впервые ты оказываешься на кладбище. Количество крестов и надгробий кружит голову. Вы долго, очень долго идете до дальнего конца сельского кладбища. Ты узнаешь, что там похоронены твои прабабушка и прадедушка. Видишь свежую яму, слышишь, как плачут женщины. Тебя мутит. Отец берет тебя за руку, и вы пересекаете границу кладбища, поднимаетесь на небольшой холм. Молчите несколько минут, глядя, как медленно плывут облака. Тебя отпускает. Ты первый дергаешь руку отца, тот непонимающе смотрит на тебя.

«Мама», – шепчешь ты. Обратно вы несетесь почти бегом. Все кончено. На месте ямы теперь земля и цветы. Мама стоит на коленях и смотрит на могилу так, словно хочет сквозь слои земли увидеть что-то. Ты впервые осознаешь, что бабушка – это мама твоей матери. Такая же мама, как твоя собственная. Чувство страха окутывает тебя. Следующею неделю тебе снятся кошмары, снится, что мама умерла. О Боге ты даже не вспоминаешь.

Восьмой год твоей жизни. Ты с друзьями стоишь перед оградой кладбища, заглядывая внутрь сквозь щели. Поодаль стоят девчонки, смотрят. Ты понимаешь, что дороги назад нет, ведь если струсишь сейчас – никто с тобой, трусом, дружить больше не будет. На кладбище не хочется. Вы уже не раз заглядывали украдкой туда. О, это кладбище совсем непохоже на то, где была похоронена бабушка. На том кресты были белые или голубенькие, могилки ухоженные и солнечно. Там нет деревьев, и оттого солнечно. Здесь же, за грязно серой оградой был мрак. Даже в ясный день тень от высоких деревьев создавала на территории кладбища царство тьмы. На сколько хватало обзора ребята видели покосившиеся кресты, мусор и ветки. День на исходе. Через час должно быть дома. А ты сглатываешь слюну, ощущаешь как в горле стал ком и на дрожащих ногах лезешь в узкую щель. И словно оказываешься в другом мире. Даже воздух здесь другой. Пахнет сыростью, гнилью, мокрым камнем и смертью.

На той стороне вас двое. Игорь все-таки струсил, это радует. На его фоне вы теперь будете казаться героями. Хочется развернуться и выскользнуть отсюда назад, на свет, но твой друг уже делает шаг в глубь кладбища. Идешь следом, пытаясь игнорировать окружающие тебя надгробия. Кажется, что идете уже вечность, когда с одного из деревьев слетает тяжелая ветка. Звук удара глухо разносится по кладбищу, отражаясь от могильных плит. Твои глаза видели эту ветку, но попробуй докажи это себе. Вы несетесь назад, толкаясь, вылезаете сквозь лаз, в последнюю секунду успеваете сделать победоносное выражение лица. Фигня, скажете вы всем, но еще месяц будете обходить кладбище за сотню метров.

«Лютеранское» впервые читаешь ты вывеску над кладбищем. Тебе 10, не за горами переход в среднюю школу. Вы успели совершить уже несколько вылазок на кладбище, но потом вас засек сторож, и вы взяли перерыв. Никто не хотел, чтобы кто-то рассказал родителям, чем занимаетесь. Ничего плохого не делали, но как-то неудобно, стыдно. И ты понимаешь, что стыдно вовсе не перед родителями. Вспоминаешь бабушку. Морщишься. Думаешь, что слово кажется знакомым. Спрашиваешь не у родителей, правда в том, что ты вообще стараешься с ними не разговаривать. Иногда желание поделиться с ними чем-то распирает тебя, но ты сдерживаешься. Отец все-таки занят, мать устала, а ей еще ужин делать. Уверен, что у них есть дела важнее. Да и разве им

интересно слушать, что ваш класс занял первое место в эстафете. Молчишь. За ответами лезешь в Интернет. Википедия ответ дала, но какой-то мутный. Скачешь по ссылкам, пытаясь разобраться в ворохе новых сложных слов, бросаешь это дело. Кладбище и кладбище, решаешь ты. Но уже завтра мучишь Игоря, он умный, он должен разобраться. Ясно. Кладбище другое. Бабушка была православной, а здесь лежат лютеране. Верят в одного Бога, но по-разному. Тебе кажется это диким, по-твоему, лучше вообще не верить. В твоих глазах православное, лютеране и гадалки смешиваются в одно – кучу фанатиков. Ты кажешься себе дико умным и современным. Следующий раз, оказавшись за оградкой, ты присматриваешься к надгробиям. Нерусские имена, скульптуры вместо памятников, кресты без нижней балки, склепы – всё это обретает для тебя смысл. Даты. Они тебя пугают. Могилам здесь более двухсот лет, это много. Надолго не задерживаешься, десять минут и назад. Каждый день десять минут после школы. Днем не так страшно, в полдень здесь никого нет. Ты единственная живая душа, по-хозяйски ходишь и рассматриваешь камни с именами и цифрами. Скоро ты знаешь каждый памятник.

Тебе 15. Твоя озабоченность кладбищем давно позади. Вы иногда захаживаете туда справить нужду и не более. У одного из парней недавно умер отец, и вы облюбовали ныне пустующий гараж. Ты пьешь, куришь, впервые расстегива-

ешь лифчик, готовишься поступать в училище. Грезишь, как уедешь от доставших тебя родителей, постылого двора и этого проклятого кладбища.

Училище позади. К армии не годен. Ты четыре года жил далеко от дома, приезжая на недолгие каникулы. Бросил курить, увлекся конструированием, хочешь открыть свое маленькое дело. Рассказываешь отцу, вы вообще последнее время очень много говорите. Тот лукаво улыбается и кидает тебе ключи. Родители решили переехать в старый бабушкин дом. Дедушка плох, за ним надо ухаживать, да и мама давно хотела жить в частном доме. Квартира теперь твоя. Ты предвкушаешь жизнь. Сначала перебиваешься на подработках, но понимаешь, что это этап неизбежный и даже полезный. Обрастаешь знакомствами, встречаешь добрых и не очень людей. Понимаешь, что нравишься людям, а значит не пропадешь. Приводишь в квартиру очередную девчонку. Это она по дороге заметит, что жить рядом с кладбищем не прикольно. Ты будешь осторожно гладить ее по спине, но думать о чертовом могильнике. На часах за полночь. Ты выбираешься из теплой постели, тихо, чтобы не разбудить гостью, одеваешься и выходишь в стужу ночи. На дворе ноябрь, этот суровый и беспощадный месяц. Впервые за полгода хочется курить, ночь притупляет волю. Доходишь до круглосуточного киоска, берешь пачку дешевых сигарет, делаешь первую затяжку. Ударяет в голову, по телу проходит

волна дрожи, а затем разливается тепло. Ты стоишь напротив до боли знакомой ограды и думаешь. Ты думаешь, что если идти прямо от обычного лаза, а потом свернуть чуть левее, то можно увидеть прекрасную скульптуру девушки. Нет, это раньше она была для тебя просто девушкой. Это ангел вершит чье-то захоронение. Сплевываешь, тушишь сигарету поворотом ботинка и бредешь к «черному ходу» кладбища. Когда доходишь до места, начинаешь кашлять от смеха. Лаз, куда раньше легко протискивался, теперь был тебе не по размеру, разве что ногу просунешь. На этом моменте хорошо бы уже одуматься и вернуться под одеяло к красавице, ты это понимаешь, а ноги сами несут тебя вдоль ограды. Дважды огибаешь ограду и подходишь к центральному входу. Закрыто. Чуть в стороне за оградой небольшое строение-сторожка. Свет не горит. Сторож спит или вовсе отсутствует. Тебе 21. Ты лезешь через ограду на старое лютеранское кладбище, чтобы увидеть скульптуру ангела. Теплый и мягкий в твоей же кровати тебя почему-то не устраивает. Делаешь первые шаги робко, прислушиваешься. Сначала решаешь заглянуть в окна сторожки: ни следа живого присутствия. Ты снова единственный человек на всем кладбище. Щелкаешь самой простой зажигалкой, которую купил вместе с сигаретами, и идешь с этим тусклым светом почти на ощупь. Огонь нежно ласкает временами твои пальцы. Глаза медленно, но привыкают к кромешной тьме. Дорожки на кладбище каменные, вероятно проложенные здесь еще рань-

ше, чем был установлен на этой земле первый крест. Камни разных форм и размеров, идти не удобно, ты то и дело спотыкаешься. Только теперь, когда прошел несколько вглубь так, что не стало видно ограды и вокруг оказались одни могилы и вековые деревья, чувствуешь, как внутри разрастается беспокойство и страх. Темнота такая, что ты едва различаешь куда идти. Шагаешь больше по памяти, вдруг резко останавливаешься. В одном из склепов видишь свет. Тяжело проглатываешь слюну и гасишь зажигалку. Сгибаешь ноги, наклоняясь к земле, и медленно начинаешь ползти в сторону света. До склепа шагов тридцать. Ты и сам не знаешь, зачем идешь туда. Ты просто мотылек, чертов мотылек. Под правой ногой с треском ломается сухая ветка. Замираешь. Различаешь, как твое сердце пытается вырваться из своей костяной клетки. Считаешь до десяти, чтобы успокоиться и прислушиваешься. Да, есть голоса, кто-то смеется. В твоей голове складывается картинка подростков, которые устроили себе кладбищенское ночное приключение. Голоса становятся громче. Из одного из разбитых окон склепа высовывается чья-то нога. Ты ныряешь за ближайшую достаточно крупную могильную плиту и осторожно выглядываешь из-за угла. Три фигуры. У всех в руках по фонарю, ты стискиваешь зубы… и биты. Скрываешься полностью за плитой, надеясь, что им надо в другую сторону. Отслеживаешь перемещение по звукам, благо шумят они знатно. Идут в одном направлении, влево от твоего укрытия. Звук первого удара поверга-

ет тебя в шок. Слышишь удар, удар, удар. Что-то глухо, падая, ударяется о землю. Смех. Удар, удар, удар. Позвякивание и шипение. Ты сразу угадываешь – баллончик. Хочется рвануть к этим уродам, сделать хоть что-то. Но вспоминаешь про биты, сидишь. В голове болью отдается какофония звуков натурального погрома. Ты не понимаешь, что происходит. Время идет. Наконец они устали, женский голос жалуется на холод. Шаги приближаются к тебе, сам ты максимально вжимаешься в плиты. Возня у склепа, и через десять минут первая тоненькая струйка дыма вырывается оттуда. Полушепотом там что-то активно обсуждают. Самое время уйти отсюда как можно скорее. Ты аккуратно начинаешь двигаться к выходу. Отойдя на такое расстояние, что тебя не услышать, ты ускоряешься и на адреналине перемахиваешь через ограду. Путь до дома занимает считанные минуты. Подниматься в квартиру не спешишь. Садишься на ступеньки и куришь. Первая, вторая, третья, четвертая… Ненавидишь каждую затяжку, но остановится не можешь. Встаешь, собираешь все окурки в кулак, отряхиваешься и спокойно поднимаешься на свой этаж. Уже дома ты выкинешь окурки в мусорку, тихо войдешь в бывший отцовский кабинет и двинешься к сейфу. Код отец рассказал тебе всего два месяца назад. Это был акт полного доверия, отец счел, что ты теперь взрослый мужчина. Металл приятно холодит кожу. Ты никогда раньше не стрелял, но и не собираешься. Их надо просто напугать. Это всего лишь дети, которые решили, видимо, что никогда не

умрут, раз позволили себе обрушить свою неуемную энергию на захоронения. Прячешь оружие за пояс, на обратном пути заглядываешь в спальню. Под теплым белым одеялом угадываешь силуэт. Выглядывает только головка с темными локонами и рука. Ты хочешь туда, в тепло и покой. Но глупо отступать вот так, к тому же, ты так и не увидел ту скульптуру, ради которой все это изначально затевалось. Улыбаешься и выходишь из квартиры. Уже у ограды скуриваешь еще одну сигарету и уже привычным движением перемахиваешь на ту сторону. Понимаешь, что сглупил, не взяв из дома фонарь. Впрочем, твои глаза уже успели привыкнуть к темноте и тебе даже удается ни разу не наткнуться на какое-нибудь надгробие или дерево. Вдруг хмуришь брови и начинаешь вертливо смотреть по сторонам. По ощущениям, ты уже давно должен был увидеть свет из склепа, но вокруг одна темнота. Обходишь нужный квадрат территории еще несколько раз. Различаешь три склепа, но ни в одном света нет. Уже достаешь свою зажигалку, но не успеваешь зажечь, так как замечаешь тончайшую струйку дыма, поднимающеюся из ближнего к тебе склепа. Осторожно подходишь, заглядываешь в проем окна. Пусто. Лишь на полу дотлевает недавний костер. Обходишь кладбище по периметру, выглядывая свет фонарей или звуки ударов бит. Ничего. Ушли. Пока ты курил, пока возился, они просто сделали свое дело и ушли. Вот так просто. Ты смеешься до тех пор, пока не осознаешь, как должно быть жутко звучит смех посреди кладбища. Затихаешь.

Зачем-то идешь опять к склепу, подпрыгиваешь, хватаясь за выступ, и втягиваешь свое тело во внутрь. Три на три. Две развалившиеся от древности каменные гробницы, между которыми поставлены шалашиком ветки, также ветки свалены в углу. Подсвечивая себе зажигалкой, сооружаешь новый костер. Дерево начинает приятно потрескивать, насколько может быть приятным хоть что-то на кладбище. Стены исписаны надписями настолько банальными, что ты даже ленишься читать. Ты и сам не мало исписал стен ранее. Примечаешь лишь одну надпись. «Бог с тобой, а ты нет». Улыбаешься. В этой фразе больше смысла, чем в других. Она одна не содержит в себе сатанинского, гомосексуального, пошлого или оскорбительного подтекста. Ты любуешься этими буквами. Это было мнение, чье-то не очень популярное мнение. Обычные подростки протестуют против принятой системы ценностей. А здесь был двойной протест. Бунт не ради бунта, а как способ поиска новых координат жизни. У тебя нет с собой маркера, и тогда ты берешь кусочек угля от костра. В отражении всполохов пламени выводишь на стене «Глупо искать Бога на кладбище». Фраза длинная, приходится постараться, чтобы вывести ее на шершавом камне. Довольный работой, ты садишься у костра и впервые за эту ночь ощущаешь покой. Мозг даже не пытается осознать абсурдность происходящего, он уступает гормонам стресса и удовольствия. Ты засыпаешь в склепе, облокотившись о саркофаг. Позже проснешься от холода, выкуришь пару сигарет и,

гонимый нуждой, трусцой побежишь домой. Да, ты мог, как и раньше, помочиться у одной из могил. Мог. Но после этой ночи тебе невольно чудилось, что на каждой могиле выбито твое имя.

В квартире стоит щекочущий желудок аромат яичницы. Ты разуваешься, проскальзываешь сначала в кабинет и возвращаешь ствол на место. Заскакиваешь в уборную, а затем мерно заходишь на кухню. Ты был уверен, что она ушла, но вот это существо в одной майке и трусиках сидит и греет руки о кружку с кофе. Ты виновато улыбаешься. Звучит вопрос о том, где тебя носило. Не отвечаешь, опять улыбаешься, но уже загадочно. Повисает тишина, а затем она ставит на стол недопитую кружку и кормит тебя. Ты удивляешься тому, как ловко ее руки ставят сковороду, подсыпают соли и убирают предметы. Своими тонкими пальцами она не подает тебе вилку, а совершает театральное действо. Без косметики ей лучше, а с минимумом одежды она прекраснее, чем вовсе без. Отправляя в рот последний кусочек поджаренного помидора, принимаешь решение. Даешь ей на сборы двадцать минут, она шутит что справится за десять. Ждешь полчаса.

Утро холодное, лужи покрыла тонкая пленка льда. Девушка весела, ей интересно, что ты придумал. Доходишь до лаза, куда сам пролезть не смог, и спокойно киваешь ей на него. Замешательство, возмущение, испуг – все это ты читаешь в

ее глазах. Полезет? Не двигается с места, еще чуть-чуть и начнет тираду из слов. Прежде чем она успевает вдохнуть стылого воздуха для первых звуков, ты ловко взбираешься на ограду и спрыгиваешь по ту сторону. Прислоняешься к ограде, закуриваешь, на третьей затяжке слышишь, как она аккуратно протискивает свое маленькое тельце сквозь щель. Наблюдаешь, как она ошалело смотрит на виды крестов, поломанных могил и силуэтов ветвистых деревьев. Она спрашивает, ты отвечаешь. Да, кладбище уже пол века не рабочее, да, лежат лютеране (она оказывается знает про лютеран), да, здесь ты провел ночь, да, идем кое-что посмотреть. Находишь нужный склеп легко. Теперь при свете дня различаешь имена людей, которые нашли здесь когда-то покой. Семейная пара: муж и жена. Умерли в один день. Перебираешь в голове с десяток причин, почему так. Каждая новая версия безумней предыдущей. Но тебя влечет дальше. Вы идете маршрутом ночных вандалов. Первым ты замечаешь сколотый крест, вокруг которого россыпь каменной крошки. Девушка давно схватилась за твою руку и удивительно смиренно идет в ногу с тобой. Видишь, как одна из могильных плит проломана, в темный дыре угадываешь свалку мусора. Передергиваешь плечами, тебе становится просто по-человечески противно. Наконец ты угадываешь силуэт некогда белой скульптуры. Указываешь девушке на нее. Вы подходите. Камень где-то посерел, где-то позеленел, но в целом памятник остался целым. Так тебе показалось сначала, а потом ты

опустил глаза. Босые ноги, которыми ангел стоял на могильной плите, были отбиты. Куски камня валялись тут же. Ты улыбнулся, очень нехорошо улыбнулся. Спутница отпускает твою руку и отходит куда-то в сторону, пока ты зачарованно смотришь на памятник. Ты находишь ее у детской могилы. Веня Пророков. Всего три года. Ты думаешь о том, что дети раньше постоянно умирали, что раньше смерть в целом была в порядке вещей. Еще один отбитый крест, а здесь повалена колонна, а там виднеется пошлая надпись. Ты переступаешь мужские трусы, которые валяются на дороге. Надеешься, что их просто выбросили. Просто выбросили. Дальше должен быть самый крупный памятник. Он жив в твоей памяти с тех пор, как ты прогуливался здесь каждый день после школы. Подходите ближе. Девушка вскрикивает и хватает твою руку. Теперь и ты увидел. Мутит. Памятник – нечто похожее на три стены, которым огородили участок могилы. Стены три метра в высоту и четыре в стороны, и все это на возвышении. Просто, но масштабно. И на этой громадине под стать ей гигантская пентаграмма и на каждой из трех стен цифра шесть. Ты закрываешь глаза, чтобы не видеть этого. Затем открываешь их, подходишь в плотную, проводишь пальцами по камню. Кривишься. Понимаешь, что все это подростковая дурь и что едва ли ребята настоящие сатанисты. Садишься на влажный от утреннего тумана камень. Тянешь девушку к себе на колени. Вы сидите спиной к величественному надгробию. Ты рассказываешь произошедшие ночью, пора-

жаясь тому, что она до сих пор не сбежала. Иногда она что-то уточняет. Предлагает купить смывку. Ты спрашиваешь ее имя. Она улыбается, глядя прямо в глаза. Катя. Говорит, что свидания на кладбище у нее еще не было. Ты извиняешься. Вы совершаете паломничество к строительному магазину, где берете смыв для краски. По пути без остановки говорите. Уже когда вы закончите с последним надгробием, ты спросишь ее, почему она все еще здесь. У нее не будет точного ответа. Уходить, не попрощавшись – неудобно. Ранняя утренняя прогулка – интересно. Кладбище – адреналину захотелось. Устранять погром – просто правильно это. Когда вы вернетесь в квартиру, она задаст тот самый вопрос. Нет, ты не пойдешь караулить в ночь. Ты еще помнишь, как ходил мочиться на крайние могилы в пятнадцать лет.

33 года. Еще не приговор, но и мир покорять уже поздно. Два года назад ты похоронил мать. Ее крест и крест бабушки почти касаются друг друга. Два голубеньких креста. Ты лично каждый год обновляешь краску. Стараешься чаще ездить к отцу, который теперь совсем ушел от работы и занялся резьбой по дереву. Стулья на твоей кухне – его рук дело. Ты сидишь на таком стуле, когда Катенька залетает в комнату, падает тебе на колени и, пытаясь отдышаться, сообщает, что решено сносить кладбище. Ты не сразу понимаешь значение этих слов. Наше? Кладбище совсем пришло в упадок, на его месте будет парковая зона. Тебе кажется, что

любимая твоя женщина несет какую-то чепуху. Но чепуху все-таки несет администрация района. Этой ночью ты так и не уснешь. Будешь мерить комнату шагами до тех пор, пока не поймешь, что в глобальном смысле все верно. Конечно, могилы снесут и на их месте посадят деревья и траву, но разве это хуже, чем пьяные гулянки и дьявольская символика на надгробиях? Ты одно время пытался гонять неугомонных молодых людей, обращался даже пару раз в полицию, но тщетно. Эти могилы так стары, что уж нет потомков, которые хотели бы защитить прах родных. К тому же, соседи не понимали твоего рвения. Никому кладбище под окнами не нравилось, тем более иноверное. На нем даже церкви не стоит, о чем сетовали старухи. Ты понимаешь, что со сносом все вздохнут спокойно. Так может и тебе должно смириться?

Когда приехали машины и началась возня, ты был еще на работе. Уже паркуя машину, ты увидел, что ограды больше не существует, как и большей части кладбища. Морщишься. Идешь на погром. Место кажется тебе незнакомым, хотя ты часто бывал здесь. Катенька нередко приносила цветы Вене Пророку. Сама она оказалась бесплодна. Вы переживали это горе вместе. Ты понимал, что она не столько Вене носит цветы, сколько своему не случившемуся счастью. Сам ты возлагал цветы к отколотым ногам прекрасного ангела. Раз в два-три месяца обрабатывал специальными веществами. Эта скульптура была белой вороной среди мрачных и се-

рых могил. Благодаря тебе ее не брали плесень, дожди и время. А вот бульдозеры взяли. Среди обломков находишь кусочек белого крыла. Поднимаешь, сжимаешь в руках, плачешь. Вдруг понимаешь, что за многие годы ты так и не посмотрел на имя того, над чьей могилой возвышалось это небесное создание. Усмехаешься. Ой, не этому давно почившему человеку носил ты цветы и берег изваяние. Этот ангел всегда был для тебя тем же, чем Веня Пророк был для твоей жены. Аккуратно опускаешь обломок и идешь домой.

Тебе 64. Ты сидишь за кухонным столом в обветшалом бабушкином доме. Ты приехал вчера вместе с племянником жены. Вместе вы ловко бросали землю и ставили оградку. В соседней комнате стоит небольшой гроб. Ты очень стараешься не думать о нем. Ты рисуешь. Руки немного трусит, но ты, напрягая память и воображение, выводишь плавные линии. Портишь лист за листом до тех пор, пока не понимаешь, что это оно. Остаток ночи плачешь. Скульптура будет готова к сороковому дню. Среди голубеньких крестов сельского кладбища она будет белой вороной. Удивительно прекрасной белой вороной.

Ты идешь по мягкой траве. Каждый шаг дается с трудом, но тебе нравится гулять в парке, что набирал силу на месте старого лютеранского кладбища. Ты еще никому не сказал, но сам чувствуешь, что наслаждаешься солнцем последние

деньки. Тебе 86 лет. Ты думаешь. Много думаешь. А последнее время все больше об ангеле. О старом и новом. И о Вене Пророке. И о том, что ты умрешь, и некому будет обрызгать твоего ангела против плесени. И цветы возложить будет некому. Только на закате понимаешь истинную причину того, почему много лет ходил к старому ангелу. Смеешься над собственной глупостью и детскостью. Думаешь о том, что глупо играть в сделки с Богом. Думаешь о Боге. Думаешь, что всегда верил. Всегда верил и просто боялся в этом признаться. Даже самому себе боялся. Кажешься себе очень никчемным и маленьким. Думаешь, как жалко понять все только перед самой смертью. Надеешься, что Бог знает, что истинно ты никому и никогда не желал зла. Вспоминаешь грехи. Много. Слишком много. А стыдно все больше за себя в пятнадцать, спускающего штаны над могилой. Заранее прощаешь мальчишек, если тоже самое будет с тобой. И снова о своем ангеле. Но уже не о каменном.